

© 2009 г.

А. Мартынов

доктор экономических наук

заместитель директора Международного научно-исследовательского института социального развития

И ВНОВЬ ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА?

Согласно доминирующим (правда, уточним, совсем не официальным!) идеологическим воззрениям, новая разновидность капитализма как общественного строя в его неповторимом российском оформлении утвердилась всерьез и надолго. Но такое безоговорочное утверждение вызывает сомнения в силу, по крайней мере, двух лежащих на поверхности обстоятельств.

Во-первых, несмотря на быстрое развитие капиталистических отношений, наследие советского социализма далеко не кануло в лету. Оно остается очень и очень весомым во всех сферах социальной жизни. Во-вторых, в послекризисный период (1999–2008 гг.) имели место очень серьезные перемены в институциональном устройстве нашего общества. И есть веские основания считать, что они произошли не в пользу усиления собственно частнокапиталистических институтов.

Попробуем объективно разобраться, какие на самом деле корневые институты преобладают в сложившейся социальной реальности. Критерием состоявшегося общественного выбора выступает наличие доминирующих корневых институтов собственности и координации определенного типа. Если руководствоваться этим критерием, перед нами возникает задача объективно оценить степень распространения и относительной весомости корневых капиталистических институтов и иных альтернативных корневых институтов в основных сферах социальной деятельности в соответствии с принятым критерием.

Поставленный вопрос, как следует из дальнейшего, очень сложен. Тем не менее, попробуем дать на него хотя бы самый приближенный ответ.

Рассмотрим подробнее, учитывая большое общественное внимание, экономический аспект проблемы институционального доминирования. Как до сих пор утверждается в большинстве средств массовой информации, в экономической сфере капиталистические отношения стали преобладающими. Однако профессиональный взгляд на процесс трансформации корневых экономических институтов позволяет оценить ситуацию по-иному.

Очевидно, степень распространения альтернативных корневых экономических институтов может быть адекватно определена, исходя из сложившейся структуры нынешней российской экономики. А ее по-прежнему отличает крайнее своеобразие в сравнении со структурами экономик западных капиталистических стран.

Как известно, неотъемлемой отличительной чертой экономики бывшего СССР, а до нее Российской империи выступала огромнейшая сырьевая база. И она естественным образом оказалась унаследованной нынешней Россией. Долгие века природные ресурсы России, приобретенные благодаря территориальным завоеваниям и, особенно, благодаря походам Ермака, Хабарова и других наших знаменитых конкистадоров – покорителей Евразийского пространства, являлись государственным достоянием. Именно ресурсное изобилие и огромный экспорт сырьевых ресурсов составляли фундамент экономического развития нашей страны.

Несомненно, произошедшая приватизация в зоне естественной монополии, какую представляли сырьевые отрасли бывшей советской экономики, явилась знаковым событием в ходе радикальной рыночной либерализации в России. По существу присвоение огромнейшей прибыли в виде природной ренты и послужило причиной превращения новых «владельцев» и руководителей гигантских сырьевых компаний в пресловутых олигархов.

Однако в послекризисный период ситуация изменилась. Деятельность нефтяных и других сырьевых олигополий (монополий) стала объектом жесткого корпоративного контроля со стороны государства. Он выразился в усилении налоговой дисциплины и применении специфических нерегламентированных методов воздействия. Вследствие этого и произошла фактическая ренационализация крупнейшей независимой компании России – ЮКОСа. Таким путем власть добилась полной лояльности крупных отечественных компаний в нефтяной отрасли, да и в других сырьевых отраслях. И в дальнейшем в рассматриваемых отраслях государством активно проводилась политика реструктуризации, выразившаяся в расширении прямого государственного участия и установлении путем интеграции государственных холдингов мажоритарного контроля над финансовыми потоками.

В результате на настоящий момент в сырьевой сфере первенствующее положение реально занимает государственный капитал и доминируют государственные институты координации движения ресурсов. При этом специфика сложившегося статус-кво во взаимоотношениях государства и остающихся формально частных сырьевых олигополий за-

ключается в том, что их владельцы – российские олигархи продолжали вплоть до последнего времени получать сверхдоходы в виде части природной ренты.

Не вызывает сомнения, что за период мирового экономического кризиса государственно-корпоративный российский бизнес понес огромные финансовые потери. Тем не менее и в новых мирохозяйственных условиях, прежде всего при изменившихся ценовых пропорциях, распоряжение огромными природными ресурсами и капитальными активами в сырьевой сфере дает основания рассчитывать на благополучие целого ряда российских корпораций с реально преобладающим государственным участием.

Зоной приоритетного государственного вмешательства остается и сфера производства вооружений. Наверно, нет нужды распространяться о военной мощи бывшего СССР и его огромном военно-промышленном комплексе (ВПК), служившего главным залогом состоятельности нашего государства как великой державы. Правда, нельзя не признать, что распад советского блока повлек за собой огромные потери военного, технологического и промышленного потенциала. И они еще более увеличились в период системного кризиса 1992–1995 гг. Тем не менее, и это тоже является непреложным историческим фактом, в дальнейшем Россия стала прилагать все больше усилий, чтобы сохранить, а по ряду направлений усилить свою военную мощь.

Подавляющая часть так называемых ЗАО, функционирующих в ВПК, имеет статус частных компаний исключительно формально. Фактически очень значительная часть национального богатства нашей страны, сосредоточенная в ВПК, остается в государственном распоряжении. В этом также непосредственно проявляется наследие социалистического времени. Альтернативный вариант – приватизация производства вооружений по образцу ведущих западных стран заведомо недостижим. Главная причина заключается в отсутствии мощного национального капитала, способного к эффективной экспансии в российский военно-промышленный комплекс в условиях жесточайшей конкуренции в сфере вооружений на мировой арене.

Нельзя недооценивать и очевидную первостепенную значимость государственных институтов координации деятельности предприятий и внедренческих организаций (фирм), так или иначе связанных с ВПК. По существу почти вся высокотехнологичная продукция и все значимые масштабные инновационные проекты осуществляются в рамках ВПК под эгидой государства. Первостепенной является и роль государственного регу-

лирования экспортной деятельности предприятий ВПК, благодаря которому Россия вернула себе ведущие позиции на ряде рынков вооружений.

Также *непоколебимыми остаются главенствующие позиции государства как главного экономического субъекта в секторе магистральной инфраструктуры*. Реально в собственности государства (федеральной, республиканской, муниципальной) находятся дорожные магистрали, средства железнодорожного и речного транспорта, огромное количество других инфраструктурных объектов. При этом стоит заметить, что многочисленные небольшие транспортные предприятия на самом деле являются формально частными, будучи полностью зависимы от государственных организаций, в основном муниципальных.

Уместно подчеркнуть со всей определенностью: преодоление существующих глубоких инфраструктурных ограничений экономического развития возможно исключительно благодаря государственной инициативе. Начавшаяся реализация крупномасштабных инфраструктурных проектов с доминирующим государственным участием воочию подтверждает сказанное.

Проведенная реструктуризация РАО ЕЭС на самом деле не меняет общей картины. Распоряжение потоками материальных ресурсов и, тем более, инвестиционными потоками в электроэнергетике в обозримой перспективе почти целиком ложится на плечи государства.

Вполне явственно фактически доминирующее положение государственных институтов обнаруживает себя и в финансово-банковской сфере. Вопреки утверждениям некоторых представителей правительства, роль негосударственных финансовых организаций и полноценно независимых коммерческих банков в российской экономике существенно не повысилась после коллапса в августе 1998 года. До настоящего момента на основных денежных и кредитных рынках доминируют все известные федеральные банки (Центральный банк, Сбергательный банк, Внешэкономбанк, ВТБ, Россельхозбанк, Национальный резервный банк и др.) и региональные банки (такие, как Банк Москвы и Банк Татарстана). Эти банки с государственным капиталом, руководящий состав которых строго контролируется, ориентированы непосредственно на интересы государственной власти на федеральном и региональном уровнях. Сказанное прекрасно иллюстрирует последний прецедент оказания помощи правительством банковскому сектору вследствие разразившегося мирового финансового кризиса. Огромнейшие финансовые субсидии в размере 40 миллиардов долларов (более 1,2 триллиона рублей) распределены между непосредственно контролируруемыми правительством банками – все теми же

Центральным банком, Сберегательным банком, Внешэкономбанком, Россельхозбанком, Газпромбанком. Наряду с этим под государственный контроль оказались взяты крупнейшие коммерческие банки – Связьбанк и Собинбанк, а целый ряд относительно небольших коммерческих банков попросту прекратил свое существование.

В свою очередь, координация в банковском секторе, в том числе касающаяся сферы взаимного банковского кредитования, в решающей мере осуществляется Центральным банком как фактическим представителем правительства. В условиях нынешнего финансового кризиса масштабы государственного вмешательства в кредитную сферу еще более усилились. Принятое решение о создании Российской финансовой корпорации, в управлении которой будут находиться основные финансовые накопления государства, знаменует собой дальнейшее утверждение доминирующей роли государства на финансовых рынках.

Рассмотрим теперь положение дел в аграрном секторе. Наследие социалистического времени здесь также проявляется очень весомо. В первую очередь оно выразилось в неприемлемо низкой эффективности многих видов сельскохозяйственной деятельности. Как известно, радикальная рыночная либерализация усугубила кризисное состояние отечественного сельского хозяйства, его глубокое технологическое и организационно-экономическое отставание от передовых зарубежных аграрных экономик. При этом вопреки первоначальному замыслу рыночных реформ, фермерский уклад не получил должного развития.

В настоящее время в аграрном секторе доминирует так называемая смешанная форма собственности. Но основную долю в ней, если разобратся, занимают активы государства, находящиеся в распоряжении муниципальных (местных) органов власти. Численно преобладающие в рассматриваемом секторе частные производители не располагают значительными активами даже в суммарном объеме.

Нельзя не принимать во внимание и то, что за последние годы резко усилилась роль государства как главного инвестора и соответственно, собственника объектов производственной и социальной инфраструктуры в рассматриваемом секторе. Это произошло главным образом вследствие осуществления национального социального проекта «Развитие АПК».

Одним из наиболее явных результатов наступившего кризиса стало усиление ценовой недоступности импортных продуктов для огромной части российских потребителей. Однозначно необходимым становится решение задач быстрой и кардинальной технологической модернизации

сельского хозяйства, повышения на порядок производительности труда, восстановления потенциала потребительской кооперации. И опять-таки в ближайшей перспективе решающую роль в решении этих задач призвано сыграть государство. Иной альтернативы просто не существует.

А какие институциональные пропорции сложились в других секторах российской экономики?

Как известно, за последние годы Россия пережила настоящий бум развития жилищного рынка. В него оказались вложены огромные средства, как «новых русских», так и обычных граждан. Однако приходится констатировать, что кризис резко обесценил частную жилищную недвижимость.

Также ни для кого не секрет, что огромная часть жилищно-коммунального хозяйства остается жизнеспособной благодаря большим дотациям государства. Фактически имеет место частичная социализация жилищных отношений. При этом реализация национального социального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» определенно закрепляет эту ситуацию.

До настоящего времени в качестве локомотива развития российского капитализма рассматривается автомобильный рынок. Правительство оказывает всяческую поддержку отечественному автопрому, что явственно выразилось в недавнем решении о повышении таможенных пошлин на ввозимые иномарки. Однако дальнейшее будущее российского автомобилестроения находится под вопросом в связи с невысоким качеством и недостаточной долговечностью его продукции. И опять-таки без массивных и одновременно эффективных государственных инвестиций, судя хотя бы по нынешней зарубежной практике, здесь не обойтись.

В данной связи вполне показательно, что именно государственный французский концерн «Рено» стал главным владельцем крупнейших отечественных автомобильных предприятий в Ижевске и Тольятти. Эта компания производит так называемые «бюджетные» автомобили для потребителей с умеренным достатком, во всяком случае, не относящихся к капиталистическому слою.

Казалось бы, частнокапиталистические отношения полностью преобладают (во всяком случае, согласно официальной статистике) в сфере оптовой и розничной торговли. Однако ни для кого не секрет наличие явной зависимости, резко усилившейся в период нынешнего кризиса, собственников и руководителей торговых предприятий от городских (районных) администраций.

По сути дела либеральные институты занимают первенствующее положение только в пищевой и легкой промышленности, частично в строительстве, в промышленности строительных материалов и на ряде рынков торговых, зрелищных и финансовых услуг. Здесь становится реальным утверждение механизмов рыночного саморегулирования, в том числе в отношении долгосрочного накопления капитала.

Нельзя не признать, что за недавний период экономического роста определенно усилились позиции среднего бизнеса, где в основном преобладают индивидуальная и групповая формы собственности. Но в большинстве регионов масштабы деятельности достаточно крупных независимых предпринимателей остаются незначительными, можно сказать, ничтожными в сравнении с размахом деятельности крупнейших российских корпораций с прямым государственным участием. И в условиях продолжающегося финансового кризиса ожидается существенный отток капитала из сферы независимого частного бизнеса. Он оказался наиболее уязвимым в условиях разразившегося кредитного «голода» и стагнации частного банковского сектора.

Впрочем, несмотря на все сказанное, у сторонников либерально-капиталистического пути развития есть всегда в запасе, как кажется, очень сильный аргумент. Речь идет о «торжестве» капитализма в нынешней Москве – новоявленном евразийском Нью-Йорке, да и в целом в Московском регионе.

Нельзя не признать существование феномена успешного до последнего времени развития капиталистических отношений в Московском регионе. Здесь первоначальное капиталистическое накопление по Марксу действительно имело место, но задолго до так называемых либеральных реформ 1992–1993 гг. Частный теневой капитал, пользуясь прямой поддержкой власти, давно укоренился в Москве и Московской области в советское время. И в дальнейшем создание крупного капитала и большого личного состояния в Москве оказывалось возможным только при тесном взаимовыгодном сотрудничестве с представителями московской власти.

В течение всего периода постсоциалистической трансформации Москва представляет собой зону сверхконцентрации финансовых, административных и других ресурсов. Именно сюда устремляются мигранты со всей России и стран СНГ в надежде заработать и «выбиться в люди». В целом на Московскую агломерацию приходится порядка 75% всей внутренней миграции страны. И все это происходит на фоне демографического кризиса и обезлюдения целых областей Центральной России.

Исключительно преференциальное положение Москвы как делового центра выразилось в направлении сюда огромных финансовых потоков со всей страны и стран СНГ. Здесь фактически сосредоточены головные представительства почти всех крупных хозяйственных, финансовых и торговых предприятий России. Их банковские операции неизбежно приводят к оседанию кредитных ресурсов именно в Москве.

Еще более важно то, что главным локомотивом становления «московского капитализма» стало развитие сверхдоходных рынков, предел которым положил только наступивший кризис. К их числу относились многие товарные рынки (например, элитных иномарок и контрабандных продуктов питания из СНГ), рынки финансовых и многих сервисных услуг (в частности, автокредитования, гостиничных услуг), рынок жилищной недвижимости и др.

Особенно успешно до самого недавнего времени развивался рынок недвижимости, прежде всего, с точки зрения увеличения стоимости сделок. Достаточно напомнить, что сдача квартир в наем оказалась главным источником доходов для огромного числа жителей столицы. А это, в свою очередь, стимулировало рост обычных рынков.

Нельзя не отметить, что ажиотажный жилищный рынок в Московском регионе был непосредственно ориентирован на приток мигрантов, особенно с нелегальным капиталом. Он давно достиг физического насыщения, хотя бы с учетом исчерпанных мощностей электроэнергетики. Тем не менее, масштабы строительства слишком дорогого жилья, с ценой, совершенно не соответствующей качеству, все расширялись и расширялись вплоть до начала кризиса в сентябре 2008 года.

Каковы же оказались в целом социальные последствия политики московских властей города и области по стимулированию развития сверхдоходных рынков?

Определенно, они далеко не благоприятны. Ни для кого не секрет, что значительная часть Московского региона находится на грани экологической катастрофы, что особенно проявляется во многих «бензиново-удушливых» районах Москвы и в многочисленных промзонах в Подмосковье. Высокая смертность (близкая к уровню африканских стран), потеря здоровья и активной трудоспособности в среднем и даже молодом возрасте стали знаковыми чертами жизни россиян, давно живущих в Москве и Подмосковье.

Вполне понятно, что для большинства регионов нашей страны заимствование Московского опыта стимулирования роста отдельных сверх-

прибыльных рынков было изначально не реальным. Ориентация на рыночные «чудеса» становится абсолютно беспочвенной, тем более в нынешний кризисный период развития. Жизненно необходимым для обычных российских регионов становится утверждение среднедоходных рынков, устойчиво функционирующих в долгосрочной перспективе (при условии, конечно, приемлемой макроэкономической ситуации). Также призвана принципиально отличаться от проводившейся политики властей Московского региона, максимально способствовавшей быстрому утверждению капиталистических отношений, социальная региональная политика. Ее главный приоритет должен заключаться в долговременном повышении благополучия жителей региона, с учетом, конечно, состояния окружающей среды.

Итак, можно утверждать, что **в ведущих отраслях российской экономики превалирует государственно-капиталистический институциональный порядок. Наряду с этим состояние ряда важных отраслей в значительной степени предопределяют институты, по сути своей являющиеся социалистическими. В целом можно сделать вывод об отсутствии признаков доминирования в экономической сфере корневых институтов собственности и координации, присущих непосредственно частному капиталистическому укладу.** Первенство принадлежит государственным институтам и непосредственно связанным с ними корпоративным институтам. По существу государственный капитал выступает наиболее значимым источником экономического развития страны в предстоящей перспективе.

Более того, есть все основания полагать, что фактически стратегия правящих кругов опирается на модель национально-государственного капитализма взамен не выдержавшей проверку практикой российской модели нелиберального прозападного капитализма. Такая метаморфоза выглядит вполне закономерной. Для дореволюционной России роль государства в рыночной деятельности была первостепенной. И еще на рубеже 1940–1950 гг. идея перехода от административно-командного хозяйства к государственно-капиталистическому рыночному хозяйству, в первую очередь, ассоциируемая с именем тогдашнего председателя Госплана СССР Н. Вознесенского, витала в воздухе.

В подтверждение высказанного предположения стоит отметить, что в программе правящей партии «Единая Россия» делается явный акцент на необходимости усиления государственного вмешательства по многим направлениям экономического развития, от которых зависит общенацио-

нальный успех – превращение России в великую державу. Достаточно процитировать следующее положение этой программы: «Мы убеждены в необходимости усиления государственной поддержки стратегически важных отраслей отечественной промышленности, занимающих передовые позиции в современном мире. Это, прежде всего, авиастроение, судостроение, атомная энергетика, оборонно-промышленный комплекс. Таким же государственным приоритетом, каким были в 60-70-х годах XX века программы "Космос" и "Ракетостроение", должна стать программа развития нанотехнологий»¹. И там же: «Приоритет для "Единой России" – развитие агропромышленного комплекса. Партия будет настаивать на действенной государственной поддержке отечественного производителя сельскохозяйственной продукции».

Прокламируемое усиление государственной долгосрочной инновационной и инвестиционной политики вкупе с другими инструментами общественного регулирования может принести позитивные результаты, особенно если учитывать нынешние кризисные реалии. Однако благоприятные макроэкономические и другие условия для этого нельзя создать без стимулирования предпринимательской активности, утверждения эффективных рыночных механизмов.

Сложившаяся российская экономическая модель государственно-капитализма не предусматривает создания таких условий и представляется «переходной», то есть заведомо ограниченной во времени. Институциональное развитие на основе этой модели характеризуется внутренним фундаментальным противоречием между декларируемыми государством общественно-значимыми целями и целями максимальной капитализации доходов, в том числе ради личного обогащения менеджеров корпораций с государственным участием. Как следствие, неизбежно возникающие рассогласования между институтами государственного регулирования и институтами капиталистического присвоения будут инициировать стремление перейти к иной, более эффективной экономической модели с точки зрения долгосрочных императивов национального развития.

Рассмотрим далее состояние корневых социальных институтов за границами экономической сферы деятельности.

Для объективной идентификации характера общественного строя требуется ответить и на вопрос о том, какие корневые институты определяют сложившуюся статусную структуру общества.

¹ Предвыборная программа партии «Единая Россия». Российская газета, 18 октября 2007 г.

Бесспорно, олигархи ельцинского времени давно потеряли свою безраздельно высшую позицию в статусной иерархии. Теперь эта позиция принадлежит высшей бюрократии вместе с высшими менеджерами крупнейших компаний с государственным участием и лидерами криминального мира. К ним следует добавить немногочисленных всем известных олигархов, получивших свои миллиарды благодаря использованию бывшей «общенародной» собственности, и связанных неразрывными узами с государственной властью.

Так, по оценкам экспертов "Независимой газеты", всем известные представители кремлевской администрации на конец 2004 года контролировали девять крупных концернов, в их числе Газпром, РАО ЕЭС и «Роснефть», или около 40% ВВП. За последние несколько лет масштабы прямого участия в капиталах корпоративного сектора высших чиновников только увеличивались.

В то же время статусный рейтинг обычных капиталистов-предпринимателей, по всем признакам, сильно понизился в сравнении с предшествующим десятилетием. Главная причина тому вполне понятна. Эта социальная страта испытывает возрастающий прессинг со стороны различных государственных организаций, прежде всего финансовых и правоохранительных, и крупных корпораций с государственным участием как более успешных конкурентов. Как следствие, имидж занятия рискованным, а точнее, очень рискованным частным бизнесом стал сильно проигрывать в сравнении с имиджем государственной службы, дающей высокие легальные и особенно нелегальные доходы, и работы на высоких должностях в корпоративном бизнесе под эгидой государства.

Также следует иметь в виду, что ряды неустрашимых бизнесменов «ельцинского призыва», которым в лучшем случае порядком за сорок, сильно поредели. Многие из них навсегда покинули Россию, да и огромные численные потери в результате многолетних «разборок» оказались невозможными. Пассионарность же оставшихся совсем не та, что прежде.

Превалирующее положение в статусной пирамиде государственной бюрократии и представителей государственно-корпоративного сектора естественным образом сопряжено с действием институтов координации, предопределяющих основные направления статусных сдвигов. До последнего времени они однозначно происходят в пользу усиления государственно-капиталистического институционального порядка.

Теперь уместно обратиться к рассмотрению превалирующих институциональных порядков на политической арене. Кто располагает наибольшим политическим капиталом? Ответ ясен – огромная российская бюрократия, главным выразителем интересов которой выступает партия «Единая Россия». По существу это означает, что обладание администра-

тивными ресурсами влечет за собой достижение неоспоримого политического преимущества.

Также следует констатировать сильное ослабление политического влияния собственно капиталистического слоя в сравнении с периодом 1992–1997 гг. Это влияние проявляется только в деятельности думских лоббистов в отношении участия в крупных инвестиционных проектах под государственной эгидой и принятия законопроектов по частным хозяйственным вопросам.

О слабости политических движений, отвечающих интересам независимого частного капитала, свидетельствует целый ряд событий последнего времени. Самое недавнее из них – партийное объединение так называемых «правых сил» исключительно под диктовку власти. Политическое будущее такой искусственной либеральной партии, которой заранее отводится в дальнейшем роль послушного думского аутсайдера (в лучшем случае!), выглядит малопривлекательным.

Нельзя обойти вниманием и наличие весомого оппозиционного политического поля в виде коммунистических и других явно антикапиталистических сил. Их влияние на общественную жизнь, несмотря на более чем 16-летний срок осуществления политических реформ на постсоветском пространстве, остается существенным. И общественные настроения в пользу возврата к социалистическим ценностям могут кардинально усилиться в случае углубления кризисного экономического спада и ухудшения социального благополучия граждан.

Для всех очевидно жесткое регулирование политических процессов со стороны кремлевской власти явно не соответствует принципам западной политической практики. При этом официальные представители нынешней власти не скрывают своего намерения добиться устойчивого политического правления с партией «Единая Россия» во главе.

В целом правомерным выглядит заключение о превалирующем положении политических институтов, представляющих государственно капиталистический уклад. Но при этом действительного признания обществом этих институтов как доминантных до настоящего времени не наблюдается. Жесткое внутреннее противостояние между группами властвующей элиты свидетельствует о недостаточной устойчивости существующей институциональной политической модели.

Характер общественного строя всегда проявляет себя в основополагающих правовых институтах. Однако институциональная правовая система в нашей стране находится в явно «переходном» состоянии. По единодушному мнению специалистов, об итогах начатого реформирования гражданского и хозяйственного законодательства, проводимых административной и судебной реформ говорить просто преждевременно.

Главенствующее положение бюрократии, особенно ее верхних эшелонов, в социальной жизни в полной мере обнаруживает себя и на правовом поле. Как известно, за последние годы был принят ряд законов и других правовых решений, направленных на усиление гражданско-правовых институтов. Однако практическая реализация юридических новаций в нынешних российских условиях зависит исключительно от представителей исполнительной власти на всех уровнях, находящихся вне общественного контроля и в большинстве своем не склонных признавать верховенство Закона. Сказанное можно проиллюстрировать на примере муниципальной реформы, осуществляемой в соответствии с федеральным законом «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года. В течение прошедших 5 лет реформирование правовых институтов в соответствии с замыслом этой реформы в большинстве регионов-субъектов РФ (наверно, исключение представляет только Чувашская республика) не дало практического эффекта. Главная причина тому, по мнению всем известных специалистов, заключается в нежелании номенклатуры субъектов Федерации передать хотя бы часть своих реальных властных полномочий на муниципальный уровень.

В целом в нашем обществе на практике преобладают нормы сугубо государственного права в сочетании с нормами неписаного права, наиболее подходящими для регуляции «непрозрачной» деятельности в рыночной, социально-предпринимательской и политической сферах. Такое положение дел отвечает интересам существующей бюрократии и связанным с нею разнообразным корпоративным группам, в том числе занятым незаконной деятельностью.

Наконец, особо стоит остановиться на вопросе о том, какие институты превалируют на культурном пространстве.

Утверждению капиталистической идеологии соответствует распространение типичной для западного мира массовой культуры, особенно в сфере шоу-бизнеса. Прочно утвердившись на российском рынке, она оказывает мощное воздействие на все стороны общественной жизни. Впрочем, в наибольшей мере сфера шоу-бизнеса и индустрия развлечений оказалась ориентирована как на специфические культурные образцы сугубо советского времени (достаточно сказать о немеркнущей и даже усилившейся популярности многих исполнителей той эпохи), так и на пристрастия нынешней бюрократии, ориентированные отнюдь не на высокие образцы западной культуры, а на ее вульгарные проявления вкупе с примитивизированным стилем «а-ля рюсь».

В то же время нельзя отрицать позитивное значение распространения либеральных в западном понимании культурных ценностей с помощью средств массовой коммуникации, особенно интернета, через сферы

образования, туризма и путешествий, а также деловых и личных контактов наших и иностранных граждан. Особенно заметно это применительно к молодым россиянам. Однако, на наш взгляд, распространенность информационных и образовательных знаний, касающихся либеральных ценностей, нельзя преувеличивать. Они могут воплотиться в материальной и духовной культуре посредством интенсивной практической деятельности, возможности для которой весьма ограничены и затруднены. Это касается как рыночного и социального предпринимательства, так и политической активности в условиях приниженого положения либеральных институтов, о чем говорилось выше.

В то же время нельзя не принимать во внимание реакцию отторжения очень значительной части российского общества от либеральной культурно-информационной «экспансии». Многие отнюдь не способствующие прогрессу формационные составляющие национальной многовековой культуры сохранились. Можно предположить, что происходящее сейчас во многих странах мира «консервативное» движение за возврат к культурному наследию затронет и наше национальное сообщество и не будет благоприятствовать преодолению этих составляющих.

Немаловажно и то, что в результате миграции в Центральную Россию жителей Кавказа и Средней Азии быстрыми темпами происходит и проникновение культурных ценностей Востока. Их корневые основы, очевидно, противостоят «вестернизированной» культуре.

В целом сложившееся в нашей стране культурное пространство правомерно оценивать как исключительно неоднородное, распадающееся на различные субкультурные ареалы. По всем признакам **доминирующей на общественной авансцене российской бюрократии присущи буржуазно-собственнические культурные стандарты, но со сдвигом в сторону консервативной государственной идеологии.** В то же время, как подтверждают результаты социологических обследований, на культурные стандарты, отличающие постиндустриальное общество, ориентированы представители формирующегося среднего класса, главным образом предприниматели в малом и среднем бизнесе и высококвалифицированные специалисты. Наряду с этим атрибуты прежнего культурного порядка, превалировавшего при «развитом» социализме, остаются близкими наиболее многочисленному полубедному слою. Также на собственные субкультурные модели поведения ориентированы представители криминалитета и неформальных молодежных страт. Наряду с ними весомо в общественной жизни проявляются и сугубо национально-этнические культуры, новый мощный импульс развитию которых в России придала политическая демократизация на рубеже 1980-х и 1990-х гг.

В целом, правомерно констатировать сочетание принципиально различных корневых институтов культуры. Либерально-западные, бывшие советские, традиционно евразийские, “новорусские” и привнесенные с Востока образцы и ценности причудливым образом сосуществуют, хотя и далеко не мирным образом, в рамках общенационального культурного пространства. Сохраняет свое весомое значение и неофициальный культурный порядок, во многом опирающийся на идеологическую ментальность криминального мира, а также неформальные молодежные субкультуры. Взаимная противоположность превалирующих культурных изменений останется по всем признакам одной из характерных черт развития российского общества в обозримой перспективе.

Сложившаяся огромная поляризация богатства и бедности в нашем обществе обуславливает, конечно, характер распределения культурных ценностей. Доступ к богатствам отечественной и, тем более, мировой культуры имеют только по-настоящему богатые люди – долларовые миллионеры, в большинстве своем представляющие государственно-капиталистическую страту.

Менее выражены, по нашему представлению, доминирующие институты координации движения ресурсов (материальных, финансовых, политических и др.), благодаря которым функционирует культурная сфера. Тем не менее, тенденция усиления государственного вмешательства и в этой области прослеживается. Как известно, последнее время крупнейшие российские корпорации с государственным участием выступают в качестве спонсоров резонансных культурных мероприятий.

Какие выводы можно сделать из всего сказанного?

Вывод первый. Суверенные институты капиталистического присвоения и накопления играют в экономической жизни России весомую, но не определяющую роль. Тем более, далеко не первенствующее положение институты, присущие капиталистическому строю в его традиционном понимании, занимают в сферах политической и культурной деятельности, в стратификационной и правовой системах.

Вывод второй. По целому ряду признаков на настоящий момент системной трансформации в России первенствующее положение занимает государственно-капиталистический институциональный порядок. Нынешняя номенклатурная бюрократия, выступая наследницей прежней советской обуржуазившейся номенклатуры, располагает наибольшим финансовым, политическим и социальным капиталом и контролирует наибольшую часть ресурсных потоков внутри всей макросоциальной системы.

И последний, главный вывод как ответ на изначально сформулированный вопрос в заголовке статьи. **Российское общество правомерно идентифицировать как смешанное постсоциалистическое общество, харак-**

теризуемое наличием разных пластов общественных отношений. Также следует констатировать неопределенность общественного выбора в нашей стране, несмотря на прошедший длительный период постсоциалистического развития. Системная институционализация нашего общества далека до завершения. Решающий этап коренной макросоциальной трансформации, начавшейся в 1991–1992 гг., только наступает.

Разумеется, возникает вопрос, какой тип общественного устройства возникнет, наконец, в России в результате дальнейшей системной трансформации?

На него трудно дать однозначный ответ, и в первую очередь вследствие неопределенности позиции или, проще говоря, молчания большинства представителей политической элиты. За этой неопределенностью скрывается как лояльность существующей системе, так и неуверенность в ее перспективах. Вполне симптоматично, что в официальных программах партий «Единая Россия» и ЛДПР узловой вопрос о формировании, распределении и накоплении собственности как корневого социального института просто игнорируется. Но складывается убеждение, что идеологи этих партий сознательно рассматривают сложившееся общественное устройство в нашей стране как незыблемое, во всяком случае, на обозримую перспективу.

Нередко утверждается, что вследствие крайней неопределенности факторов современного развития правомерен исключительно прагматически операционный подход к общественному реформированию. Суть его, пользуясь лексикой китайских руководителей, может быть выражена следующим императивом: «давайте сначала создадим процветающее общество, а потом дадим ему название». Однако при всех «удобствах» такой прагматической политики обществу и прежде всего власти предержащим никуда не уйти от проблем определения того институционального остова общества, который должен сложиться в итоге его системной трансформации. И в настоящий очень сложный момент развития нашей страны эта проблема все более приковывает к себе общественное внимание.
